

РОНАЛЬД НОКС

Рональд Нокс — один из ярчайших представителей золотого века английского детектива, автор широко известных «Десяти заповедей детективного романа», ставших кодексом клуба мастеров английского криминального романа — Детективного клуба, основанного им вместе с Агатой Кристи, Гилбертом Честертоном, Дороти Л. Сэйерс и Энтони Беркли.

РОНАЛД
НОКС

УБИЙСТВО
НА ВИАДУКЕ

ТРИ ВЕНТИЛЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Н79

Серия «Золотой век английского детектива»

Ronald Knox

THE VIADUCT MURDER
THE THREE TAPS

Перевод с английского

У.В. Сапциной («Убийство на виадуке»),
Н.Н. Федоровой («Три вентиля»)

Серийное оформление *В.Е. Половцева*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения

наследников автора и литературных агентств
United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Нокс, Рональд.

Н79 Убийство на виадуке. Три вентиля : [сборник] / Рональд Нокс ; [пер. с англ. У.В. Сапциной, Н.Н. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-092236-9

Четыре поклонника детективов из фешенебельного гольф-клуба, мнящие себя великими сыщиками-любителями — священник, отставной чиновник, университетский профессор и журналист, — обнаруживают у виадука труп. Возможно, лучше было бы предоставить возможность полиции разобраться в случившемся, но разве четверка предприимчивых интеллектуалов откажется от долгожданного шанса проверить свои детективные теории на практике? Джентльмены начинают собственное расследование...

Страховые компании очень не любят расставаться со своими деньгами. Вот почему Майлзу Бридону поручено доказать, что подозрительная смерть мистера Моттрама, одного из клиентов компании, — самоубийство, и, стало быть, страховку не выплатят. Однако старый друг Бридона, инспектор Скотленд-Ярда Лейланд, убежден, что произошло жесткое убийство... Майлз и Лейланд начинают расследовать гибель несчастного Моттрама независимо друг от друга. Кто же из них окажется прав?..

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Lady Magdalen Asquith, 1925, 1927

© Перевод. У.В. Сапцина, 2015

© Перевод. Н.Н. Федорова, 2015

© Послесловие. В.В. Воронин, 2016

© Издание на русском языке. AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-092236-9

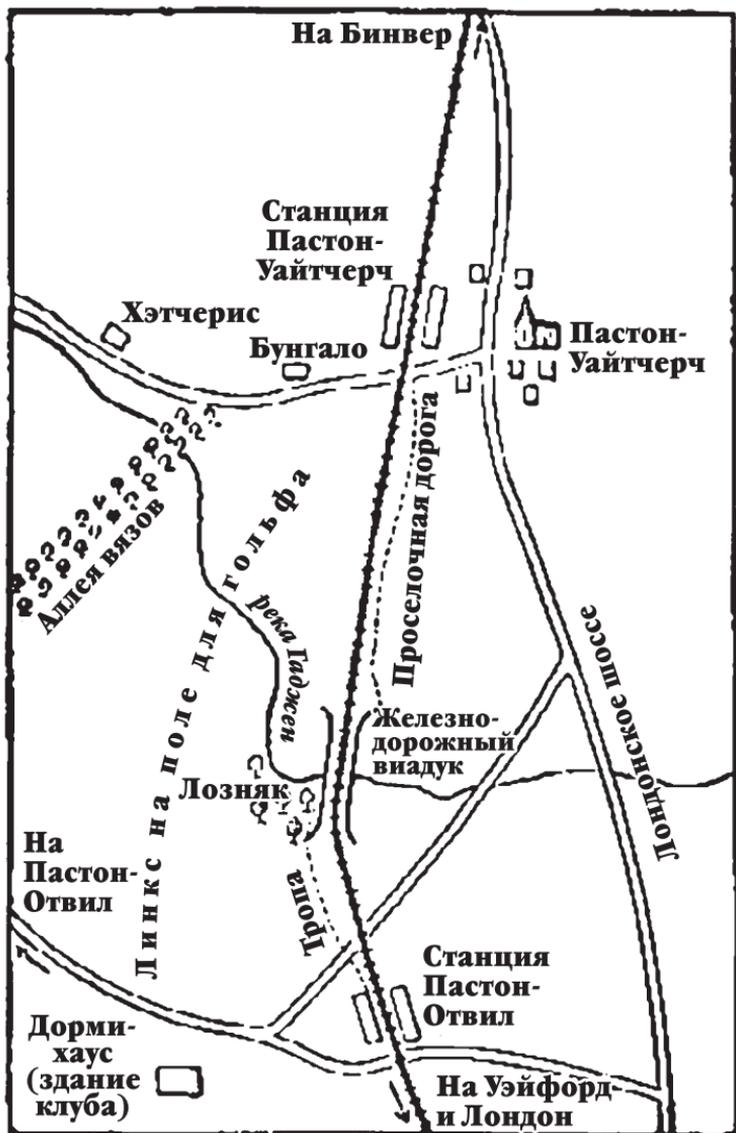

УБИЙСТВО
НА ВИАДУКЕ

Примечание для читателей

В соответствии с духом «честной игры», очевидным в его декалоге, или десяти заповедей детективной литературы, автор вводит в повествование ряд дополнительных сведений ближе к концу этой книги и к развязке сюжета, направляя читателя по цепочке подсказок.

*Расписание поездов
Лондон–Бинвер*

Лондон	3.00	3.47	—
Уэйфорд	3.31	4.29	—
Пастон-Отвил (прибытие)	—	4.43	—
Пастон-Отвил (отправление)	—	—	4.50
Пастон-Уайтчерч	—	—	4.58
Бинвер	3.59	—	5.09

Глава 1

ДОРМИ-ХАУС В ПАСТОН-ОТВИЛЕ

Ничто и никогда не происходит впустую. Смерть животного снабжает удобрениями растительный мир; пчелы роятся в заброшенном почтовом ящике; рано или поздно кто-нибудь найдет применение военным заводам. Так и старинные усадьбы феодальной Англии, которые греются на солнце в окружении своих фигурных террас, хмурясь при виде туриста-плебея среди вековых аллей и вынуждая шоссе, по которым он путешествует, почтительно двигаться в обход, — пригодятся и они, хотя владельцы давным-давно решили, что жить здесь слишком накладно, а агенты, словно умиляясь детскому лепету, улыбаются при одной только мысли о том, что эти усадьбы пополнят список сдаваемой в аренду недвижимости Англии нынешних времен. Даже если сам дом обречен превратиться в груды мусора, из парка всегда можно сделать поле для гольфа. Упрямый дерн прежних пасторских земель*, на протяжении столетий с пренебрежением отвергавших тяжесть плуга, уже взрыт клюшками-нибликами**, а многолюдным гринам остается лишь вспоминать о нежности и ухоженности былых лужаек.

* Земли, принадлежащие приходской церкви или приносящие ей доход. — *Примеч. авт.*

** Н и б л и к — клюшка для гольфа, соответствующая современной металлической девятого номера. В 1900—1930 гг. клюшки для гольфа имели деревянные рукоятки, а мячи были ячееными. — *Примеч. авт.*

Может, по ним и бродят призраки прежних времен, но наносить удары можно и сквозь них.

Пастон-Отвил (не доверяйте автору, если он не указал конкретное место действия уже во втором абзаце) был, казалось, специально приспособлен неисповедимым провидением для того, чтобы занять именно эту нишу в жизни. Огромное здание в итальянском стиле, которое пятнадцатый лорд Отвил возвел как памятник своему величию (он благоразумно продал акции Компании Южных морей заранее), загорелся в девяностых годах минувшего века и полыхал всю ночь; помощь, оказанная местной пожарной бригадой, была скорее энергичной, нежели продуманной, и Ахелой довершил хаос, начатый Вулканом. Неприлично голый остов особняка стоит и по сей день, бесстыдно выставляя напоказ оклеенные обоями комнаты и резные каминные полки, словно интерьер кукольного дома, заднюю стену-дверцу которого повернули на петлях. Сколько тайн, должно быть, хранили этот бальный зал и эти туалетные комнаты с галантных времен, когда лепной фасад еще нес свою безмолвную службу! Бедные комнаты, не скрывать им больше никаких секретов. Сад тоже охватил упадок: мощеные дорожки заросли сорняками, оставленные без присмотра балюстрады обрушились; немногочисленные живучие цветы еще распускаются здесь, но, увы, полузадушенные бурьяном, напоминают обнищавших наследников *ancien régime**. Владельцы даже не пытались отстроить большой дом заново; они благоразумно переселились на другой конец парка — в уютный особнячок из кирпича и дерева, полтора столетия прослуживший семье вдовьим жили-

* Старый режим (*фр.*); обычно о монархии во Франции до революции 1789 г. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

шем. Со временем даже эта измельчавшая роскошь была признана чрезмерной, и семья продала дом.

Но оплакивать Пастон-Отвил незачем: его поместные земли — святыня столь же незыблемая, как гольф. Один предприимчивый клуб, воодушевленный близостью железной дороги, придал сельскому уединению поместья пригородный оттенок; от Лондона до него всего час пути, и будь этот клуб менее фешенебельным, это расстояние можно было бы преодолеть за три четверти часа. Бунгало с собственными гаражами при каждом и коттеджи с бильярдными выросли по соседству — тридцать или сорок, оштукатуренные, под красными черепичными крышами, с помощью ряда продуманных различий скрывающие, что своим существованием все они обязаны воображению одного и того же архитектора. А посреди них, в окружении собора, мэрии и рыночной площади, средоточия всей местной деятельности, стоит бывший вдовый дом Отвила, ныне здание клуба — дорми-хаус. Комитет отстроил его, придерживаясь в целом того же архитектурного стиля, но в собственном понимании, и действительно, обновленное крыло возведено из кирпича и дерева, хотя в сырую погоду доскам свойственно коробиться и отваливаться. Разумеется, это не просто здание клуба, но и дорогой отель — если позволительно именовать его отелем, а не монашеской общиной, ибо обитатели его симпатичных номеров живут ради единственной цели — гольфа: дважды в день они проходят все лунки на поле, действуя с обстоятельностью и торжественностью бенедиктинцев во время молений, а по вечерам собираются вновь, чтобы в тесном кругу обсудить таинства своей религии.

Кстати, чуть не забыл упомянуть о деревенской церкви. Деревня все еще существует, загадочным образом, подобно множеству английских деревень, растянутая по

периметру квадрата. В прежние времена церковь находилась между деревней и Большим домом поместья как своего рода «очистилище», где время от времени можно было умиловить сквайра. Будучи гораздо более древней, нежели парк или состояние семейства Отвил, благодаря своему соседству церковь приобрела характер паразитического учреждения, поросли протестантского феодализма. Сегодня она почему-то воспринимается как побочный продукт гольф-индустрии; людей, спрашивающих, как пройти к церкви (таковых немного), направляют к пятнадцатому грину; воскресная служба начинается в половине десятого, словно в расчете на маловероятную ситуацию, когда кто-нибудь пожелает укрепиться духом перед утренней партией; а церковный сторож, он же могильщик, носит за игроками клюшки в те дни, когда некого хоронить. Сообразно с этим, приходской священник, одно из действующих лиц нашей истории, — гольфист, приобщенный отсутствующим сквайром к жизни, малопривлекательной с материальной стороны. Это духовное лицо умудрилось насовсем переселиться из дома при церкви, от которого было более двадцати минут ходьбы до первой метки для мяча, в клуб, небезосновательно утверждая, что именно там кипит вся жизнь прихода. Если желаете взглянуть на священника, достаточно только приоткрыть дверь курительной: вон он коротает этот дождливый и туманный октябрьский день, посиживая с тремя компаньонами, также застигнутыми врасплох непогодой, — потенциальными участниками игры двое на двое.

Этот мужчина, приближающийся к среднему возрасту, — непритязательный холостяк. Вы скажете, что у него одухотворенное лицо священника — знак предопределения или следствие естественной мимики? — но увы, отражающийся на нем энтузиазм направлен глав-

ным образом на единственный объект, и этот объект — игра. Нрав у него кроткий; известно, что он способен успешно сдерживаться в самых затруднительных ситуациях, даже у девятой лунки; никто и никогда не слышал брани из его уст, хотя кое-кто уверяет, что его неизменная фраза «Ч-что же это я делаю!» звучит как проклятие. Остальные трое присутствующих связаны со священником узами знакомства, какими они бывают в Пастон-Отвиле, где каждому известен гандикап, а также политические и религиозные убеждения остальных. И действительно, одного из компаньонов, по имени Александр Гордон, вряд ли могли знать иначе, нежели по его гандикапу, ибо, когда разговор заходил о религии, политике или иначе отклонялся от течения, общепринятого в клубе, точка зрения этого собеседника оказывалась совершенно ничем не выделяющейся и сугубо британской. В отличие от остальных, Гордон не жил в клубе постоянно, а приехал на отдыхе навестить своего более примечательного друга, Мордента Ривза.

Постоянное проживание Ривза в клубе объяснялось скорее силой обстоятельств, нежели прирожденной праздностью. Он закончил учебу к началу войны и был признан негодным к действительной службе по причине сильной близорукости, придававшей его лицу проницательный, если не сказать пронзительный, вид. Работа нашлась для него довольно легко, в смежном департаменте Военного министерства, и он, пожалуй, несколько злоупотреблял фразами, начинающимися со слов «Когда я служил в военной разведке...». В воображении непосвященного они вызвали картину, на которой Мордент Ривз с револьвером на полувзводе прятался за дверью, подслушивая совершенно секретные переговоры немецких супершпионов. На самом же деле его обязанность заключалась в том, чтобы к половине десятого утра яв-